Письма из прошлого

Дорогой читатель!

Книга ПАМЯТИ, которую вы держите в руках, вышла в свет по инициативе Дальневосточного отделения РАН и «Издательства Дальнаука». В год 75-летия Великой Победы мы постарались собрать сведения об участниках Великой Отечественной войны и труда, которые впоследствии работали в дальневосточных академических учреждениях. Но на этом наша работа не прекращается. Во многих семьях сотрудников Дальневосточного отделения РАН наверняка сохранились документы, относящиеся к военным годам: письма с фронта, военные фотографии, наградные листы ветеранов боев, воспоминания участников тех далеких военных лет.

В качестве первого шага к реализации нового проекта мы публикуем очерк академика РАН Виктора Богатова, посвященный блокадному Ленинграду. Предлагаем научной общественности, Совету молодых ученых ДВО РАН включиться в эту работу. Материалы к новой книге или их копии направляйте на имя главного ученого секретаря ДВО РАН Богатова В.В. или секретаря научно-издательского совета ДВО РАН Ничак В.Г. (ул. Светланская, 50, г. Владивосток, 690091). Давайте вместе сделаем еще один шаг к увековечиванию народного подвига через судьбы семей сотрудников ДВО РАН.

* * *

Блокадный Ленинград

Блокада Ленинграда длилась с 8 сентября 1941 года по 27 января 1944 года (блокадное кольцо было прорвано 18 января 1943 года) – 872 дня.

Ленинград для моей семьи всегда был особым городом. Здесь, в Зоологическом институте АН СССР, я проходил четырёхлетнюю стажировку, затем защитил кандидатскую диссертацию. А в предвоенное время в Ленинграде жила моя мать Анна Михайловна Алексахина, которую все родственники называли Нюрой; первый мамин муж Николай Светлов, а также его родные – Нина Просовская с мужем Виктором, верятно, их дочь или сестра Нины Женя, другие родственники. В Ленинграде также жил и работал родной брат моей матери Виктор Алексахин. Там же, в Ленинграде, в мае 1940 года родилась и моя сестра Лариса.

Так случилось, что в ночь с 21 на 22 июня 1941 года мама с годовалой Ларисой выехала поездом в город Вышний Волочёк, что в Тверской (тогда Калининской) области, навестить своих родителей и сестёр. К великому сожалению, все родные, которые на начало войны остались в Ленинграде, впоследствии либо погибли на фронте, защищая этот прекрасный город (Николай Светлов, Виктор Просовский и Виктор Алексахин), либо умерли от голода уже в первую зиму блокады. Лишь Нина чудом выжила в этом аду.

В архиве нашей семьи сохранилось несколько писем военного времени. Два из них были написаны Ниной Просовской и отправлены моей матери в Вышний Волочёк: одно в конце октября 1941 года из блокадного Ленинграда, а второе – в 1943 году из Казани. Сюда же, в Вышний Волочёк, в 1942 году отправил с Ленинградского фронта своё последнее письмо и Виктор Алексахин. Адресовано оно было матери (моей бабушке) Алексахиной Марии Ивановне.

Однако все эти письма нашли своих адресатов только в начале 1946 года. Дело в том, что осенью 1941 года семья Алексахиных была эвакуирована из Вышнего Волочка в Чувашию до конца войны. Где и как эти письма хранились – не знаю. Вероятно на почте или у соседей, ведь Вышний Волочёк немцы так и не смогли захватить.

Вот что об этом периоде пишет моя мама в своих небольших воспоминаниях.

«В 40-м году у меня родилась дочь (Лариса). Когда ей исполнился 1 год, мы поехали в Вышний Волочёк к моим родителям. Выехали мы из Ленинграда 22 июня 41-го года в 2 часа ночи. К поезду пришли встречать нас мои мама и две сестрёнки. Радости не было конца. Ещё поезд не отошёл от вокзала, как вдруг по радио объявили Войну. Вот так я и осталась с ребёнком на руках, раздетая в летнем платье.

В Ленинград я уже больше не попала. А мужа взяли на фронт. Об этом сообщила мне его сестра, которая вместе с мужем и тремя детьми погибли во время блокады Ленинграда.

Из Вышнего Волочка осенью нас эвакуировали в Чувашскую АССР, и там я потеряла всякую связь с ними. Только после войны узнала, что муж погиб.

Эвакуировали нас в октябре месяце. Ехали мы в товарных вагонах. Целые сутки стояли в Бологое, которое в это время день и ночь бомбили. Но нам повезло, а вот перед нами попал под бомбёжку состав с ленинградскими детьми. На платформе валялись детские игрушки... Это было ужасное зрелище. Всю дорогу до Рыбинска за нами гнались 3 самолёта, но всё обошлось благополучно. Только после Москвы мы немного успокоились.

Привезли нас в г. Шумерлю ЧАССР. Выгрузили под открытое небо, шёл мокрый снег, и так мы сидели примерно 12 часов, пока

не подъехала за нами подвода. Посадили нас на телеги и повезли по колхозам. Нас было 90 семей. Так как было очень грязно, лошади били копытами и поливали нас этой грязью. Одну семью «ковырнули» в овраг, но, к счастью, никто не пострадал. Прибыли на место в 2 часа ночи. Нас распределили по семьям. Крыша дома была покрыта соломой, окна заткнуты тряпками. Конечно, о постели какой-нибудь не приходилось и думать. Мокрые, грязные, голодные так и легли на голый пол. В избе было темно, света никакого не было. А когда мы встали утром, то пришли в ужас. Пол был настолько грязный, что мы его скоблили топором, чтобы добраться до дерева...

В 45-м году нас реэвакуировали в В. Волочёк...»

Ещё в 1970-х годах один мой знакомый коллега-блокадник рассказывал, что когда немцы подошли к Ленинграду, в городе совсем не было паники. Ленинградцы были уверены, что город врагу не достанется. И письмо моей питерской родственницы Нины тому подтверждение.

Итак: Ленинград 24/X-41

Здравствуй Нюра!

Шлём Вам наш горячий привет. Мы все живы и здоровы. Нюра! Много километров разделяют нас, так бы и побыли вместе. Твоё письмо и открытку получили, хорошо, что уехали, всё-таки лучше может быть. Нюра, ты ещё не знаешь, что твой Котя (так между собой звали мужа Анны – Николая) ушёл в Армию! Вот и Коля последним ушёл. Теперь все в деле. Ушёл он 20/IX, так уже месяц. Когда он был ещё в Ленинграде, то прислал открытку, что выехал из школы, а куда – неизвестно. Очевидно на Ленинградский фронт. Пока что известий нет. Но, Нюра, ведь письма задерживаются. Надо ждать, как получим, так сразу же пришлём тебе. Вот, Ларочкин папа защищать и её ушел, и Ленинград. На днях Мама получила его одежду из военкомата. Деньги тебе выслали. От нашего Виктора (Виктор Красовский) получили 2 письма, 10/X, а писано в сентябре. Находится он на Новгородском участке Фронта, на передовых линиях. Он пулемётчик. Пишет, что жив и здоров. Здорово лупят немца, по всем швам. Сидят в окопах, по 6 человек и пулемёт. Над головами свистят снаряды и воют мины. Но, говорит, что привыкли. Стоят на Волхове, от нас недалеко. Тоже отражают от Ленинграда немца. Просит, чтобы больше писали, скучновато без писем. Его товарищ, Беляков Вася, был ранен в руку, к нам приходила его мать. Находился под городом Е-м (название города не читается), там шёл бой 26 дней, здесь он и получил ранение. От Вашего Виктора (В. Алексахин) ничего нет, Вера тоже не приходит, может быть не в Ленинграде, или некогда. Может быть и ваш Виктор был в этих боях?! В общем, о нём «ни слуху, ни духу».

Нюра! Наше положение, конечно, трудное, борьба выпала на Ленинград нелёгкая. Спим и живём по-походному, по-военному. Платье не снимаем, наготове. На улицах темно. Надеемся на лучшее. Если увидимся, тогда обо всём поговорим. Не теряйте надежды. Как здоровье Ларочки? Нюра, а как остальные условия жизни, ты ничего не писала. Трудно вам приходится, но и всем также. Мама не работает, а мы по-прежнему. Мне предстоит сдавать зачёты, наш взвод кончает курс 15/XI. Сейчас работаю в медпункте завода. Женя на шлифовочном участке ученицей. Сегодня мне в вечер, сейчас пьём чай, знаешь, из того самовара. Мама его приспособила. Витя шлёт тебе и Ларочке фронтовой привет. Мама ещё напишет. Кончаю. Кажется немного обо всём. Ну, до свидания, дорогие. Нюра, не падай духом, пиши нам чаще. Не забывай.

Остаюсь с приветом всем. Крепко целую вас. 23/X-41. Нина.

Адрес Виктора: «Действующая армия. 954 полевая почтовая станция. 1000 с.п. 3 батальон. 3 пулемётная рота. 3 взвод. Просовскому В.Ф.»

В том же письме имеется ещё сообщение для Анны, вероятно, от матери Нины.

Нюра. Посылки не принимают. Только для Красной Армии приём. Иначе никуда не берут. Шлём мы вам всем привет и желаем всего лучшего. Нюра, так вот Коля взят уже 20 сентября. Известий пока нет и деньги, посланные тебе в Волочёк по 3 перевода, пришли обратно... Нюра, не скучай. Что делать, не один наш Коля взят. Надо громить подлеца. Итак, Нюра, тебе там спать неначем, а нам и есть, да зачастую бессонные ночи бывают. Ну что делать, и так вам там не сладко, и нам здесь нелегко. Ну а пока всего доброго. Привет М. Ив, Лене, Лиде, Рине. Целую крепко + Ларочку...

До свидания, Таня

Виктор Алексахин (предвоенное фото)

А это – отрывки из последнего письма, которое Виктор Алексахин выслал в Вышний Волочёк родным с Ленинградского фронта в 1942 году.

«...Выпала доля дважды с оружием в руках защищать Родину (Виктор ещё прошёл всю Финскую войну в качестве политрука). Не бойтесь и не жалейте меня. Что делать... Война требует жертв. А эта война... таких войн ещё не было в истории человечества, это не война, это смертельная схватка двух миров, двух систем, двух непримеримых сил – социализма и капитализма. Будьте готовы ко всему, мужайтесь, чёрт возьми. Мама, особенно ты крепись... Ведь ребятишки ещё маленькие. Напиши Васе (Василий Алексахин – младший брат Виктора, в период войны был лётчиком, работал на Дальнем Востоке, затем участвовал в войне с Японией), моему славному чертёнку, пусть и он подготовится в случае, если со мной что случится. Как бы хотелось его сейчас увидеть. О, Васька, придётся ли пожать ещё раз твою руку... Недаром ты торопишься таскать на самолётах из глухой тайги молибден. Таскай ещё, Васюха, стране нужна сталь, миллионы тонн стали – этого требует война...

... Ты, мама, напиши ей письмо (речь идёт о любимой девушке Виктора), успокой немножечко, она ведь так же, как и ты, любит... Да что тут говорить... Всё бы отдал, и жизнь отдам, только бы вы, мои милые и любимые, были спокойны.

Мама! Это моя просьба, сделай её, исполни... Ведь у меня ничего на свете нет дороже, кроме Вас, мои дорогие родичи, и этой белокурой девушки...»

Виктор Алексахин погиб в 1942 году. Награждён орденом Красной Звезды. Орден четырёхзначный: 7990. На обороте диска ордена выцарапана надпись: «Виктор 3/VII 42 уехал». После войны подруга Виктора передала орден Василию Алексахину. В 2012 году сын Василия Виктор передал орден на хранение в нашу семью.

И, наконец, второе письмо от Нины.
Казань, 5/II-43 г.

«Здравствуй, дорогая Нюра!

Шлю тебе горячий, горячий привет и пожелание хорошего здоровья. Милая Нюра!

Давно я не имею о тебе вестей. Я писала тебе 3 письма по этому же адресу и не получала ответа. А живём ведь не очень далеко друг от друга. Как хочу тебя видеть и обо всём поговорить. Ведь всё так изменилось. Ты уже, вероятно, знаешь от наших, что осталась я совершенно одна. Папа, дорогой папа, умер 27 декабря 1941 г. Мама в феврале, а Женечка – 1 марта. Вот какая ужасная участь постигла нашу семью. Смерть, причина тебе, вероятно, ясна (от голодного поноса). Нюра! Этих дней кошмара мне никогда

не забыть до конца своих дней. У меня много седых волос на голове. О Вите (В. Алексахин) ничего не знаю, последнее письмо он писал из госпиталя 11/III 42 г. Был ранен в плечо и грудь. И больше ничего. Наверное он погиб, иначе он им написал бы. О нас он ничего не знает, ну и лучше. Пусть будет в надежде. Коля ушёл 20/IX-41, и никаких известий. Попрощался с нами, я его провожала. Вспомнил тебя и Ларочку! Как тяжело ему было, не видя вас, уходить на фронт. Милая Нюра. Мы все были живые покойники, и всё-таки я выжила. Из дома мало осталось. Мужчин – никого. Из Ленинграда я уехала 5/III. Лежала в больнице завода. Мама умерла без меня, я сама лежала и не могла идти домой. Бедная, как ей было тяжело. Она меня всё вспоминала. А Женя скончалась ночью, ей очень плохо было с сердцем. Она, бедняжка, совсем задыхалась. Я всё махала около неё платком. Она говорила: «Помахай, мне так лучше, ведь я сегодня умру». И правда, я устала, первый день вышла из больницы (пролежала 2 месяца) и задремала около неё на кушетке, а она, милая, и скончалась. Так и не знаю, о чём она думала. В её глазах было спокойствие и безразличие. Так похоронила я их с мамой вместе и уехала, оставив всё. Нюра! В последние дни мы жили в 12-м номере, там Женя и умерла. А квартира наша превратилась в сарай, всё пошло на топливо, грязно стало до неузнаваемости. Всё я продала, думала, что Женю поддержу и увезу с собой, она была у меня записана в эваколисток. Хотела я её вырвать из когтей смерти, но всё напрасно... Да и из квартиры многое растащили. В общем, знаешь, Нюра, ничего не осталось. Вот такая трагедия. Я тогда была такая слабая, что ничего не могла сделать против этого. Итак, всё оставив, уехала вечером с Финляндского вокзала. Ехала эшелоном на Кубань, там поправилась, пришла в себя. Волосы у меня острижены были совсем, теперь уже отросли. Ты меня тогда не узнала бы. Мне давали 30 лет. Но поправились хорошо. Всего было вдоволь. А оттуда по вербовке в Казань на

Анна Алексахина с дочерью Ларисой (Ленинград, 1940 г.)

Василий Алексахин (послевоенное фото)

завод, где и работаю по настоящее время. Работа лёгкая, чистая. Ну вот, какую печаль на тебя я нагоняю. Ты, уж, не очень переживай, видно ничего не поделаешь. Обидно, как посмотрю на другие семьи, так сердце кровью обливается.

Ну, а как ты живёшь? Как Ларочка? И остальные твои родные. Пишет ли кто-нибудь из ваших? Виктор, Вася, как его жизнь идёт и где он сейчас?

Милая Нюра. Наши войска одержали большую победу под Сталинградом! Будем надеяться на совершенную победу над проклятым фашизмом и нашу встречу. Вот тогда соберёмся все вместе, кто уцелел, и переговорим обо всём вдоволь. Пишу на работе, уже кончила работу, время 5 ч. 30 м веч.

Ну, кажется, все. Извини за расстройство...

...Целую крепко Вас всех.

Ваша Нина.»

О дальнейшей судьбе Нины Просовской мне ничего неизвестно.

В.В. Богатов, ДВО РАН

★★★